

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ШЕВРОНЫ СПЕЦНАЗА

СИЛЫ
СПЕЦИАЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ

Силы специальных операций

Сергей Зверев

Шевроны спецназа

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Шевроны спецназа / С. И. Зверев — «Эксмо», 2015 — (Силы специальных операций)

ISBN 978-5-699-85316-8

Индийские власти обратились к командованию российского спецназа с просьбой оказать помощь в охране стратегической электростанции, которая находится на проблемной приграничной территории. Двадцать спецназовцев под видом специалистов-электриков отправились в Индию. Вскоре рядом с электростанцией начались провокации, затем террористы попытались взорвать плотину, но все безуспешно – российские бойцы отразили все атаки боевиков. И тогда в дело вмешиваются американские «зеленые береты»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85316-8

© Зверев С. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Зверев

Шевроны спецназа

© Асфаров О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

Лето раскинулось над Кавказскими горами. Солнце слепило глаза и, казалось, играло роль вселенской жаровни, подогревающей синее небо, скалы с редким кустарником и плотный ковер зеленого леса предгорий. Восходящие потоки горячего воздуха отделялись от скальных образований и устремлялись вверх, перемешиваясь с чистым, наполненным до предела озонном, горным ветром, который дул вдоль водораздела. На границе этих двух воздушных масс черной точкой в густой синеве парил сокол.

Птица прикладывала минимальные усилия для полета. Ветер свободно нес хищника вдоль хребта, а идущий снизу поток поддерживал его на высоте.

После затяжной туманной весны сокол прилетел сюда в первый раз. Он знал, что суслики и мыши непременно выберутся погреться на солнце. Трава и низкий кустарник после холодной ночи оставались еще сырыми, а камни и щебенка перед скалами уже давно высохли от росы и достаточно прогрелись. Прозрачные холодные глаза сокола бесстрастно фиксировали местность, подстерегая малейшее движение в пределах громадного круга, который он осматривал с высоты.

Вот что-то шевельнулось внизу, на самой границе леса, вплотную подходящего к скалам. Сокол сразу же плавно скользнул вниз, в теплые слои воздуха, стараясь точнее определить объект, привлечший его внимание. Однако через несколько секунд хищник разочарованно сделал несколько взмахов и вновь метнулся ввысь. На человека сокол не охотился.

Вышедшие из леса люди совершенно не интересовали птицу, хотя если бы она умела говорить, словно сказочный персонаж, то за слова об увиденном командир спецназа навсегда бы обеспечил ее ежедневной кормежкой из жирных сусликов.

Второй взвод первой боевой группы 43-го отряда специального назначения возвращался с задания. Сейчас бойцы совершенно не были похожи на тех красивых спецназовцев, которых так любит показывать телевидение. Чувствовалось, что люди предельно измотаны долгим переходом. Грязные лица, на которых маскировочная краска перемешалась с потом, выражали полное равнодушие, кроме глаз, живших отдельной жизнью. Они были настороженные и внимательные, причем никто из парней не задерживал взгляд долго на каком-либо предмете. Все постоянно крутили головами, осматривались и прислушивались. Их одежда, крепкие «горки», запачкалась травой, грязью и землей до самых капюшонов, не говоря уже о ботинках. Никто из бойцов, несмотря на жару, не сбросил куртку, чтобы остаться в майке. Комаров и клещей в лесу хватало с избытком.

– Привал! – прохрипел плотный парень в камуфляже, перебрасывая автомат за спину, и уселся на камень, выступавший из травы. – Резкий и Тюлень, на прикрытие! – мотнул он головой в сторону скал. – Подниметесь на десяток метров, и повнимательней там! Остальным – отдых пятнадцать минут!

От группы сразу же отделились двое бойцов и неторопливо стали подниматься по узкой расщелине, засыпанной щебенкой. Последним шел спецназовец с перевязанной правой рукой. Рукав его куртки был обрезан у самого плеча, а руку, согнутую в локте, фиксировала зеленая медицинская косынка. На повязке, чуть ниже плеча, сквозь бинты проступала кровь. Парень поднимался осторожно, прижимая поврежденную руку к туловищу, и поэтому несколько отставал от своего напарника.

Два спецназовца, которые несли сделанные из толстых веток носилки, опустили их на землю и облегченно разогнули спины. Один из них отстегнул фляжку от пояса, поболтал ее в руке, кивнул и наклонился к лежащему на носилках человеку:

– Попей, Тайсон.

Тот лишь равнодушно покачал головой и прикрыл глаза.

– Как нога, братишка?

– Пройдет, Андрюха, – хриплым шепотом ответил Тайсон. – До свадьбы заживет. Наверное.

Его товарищ, вздохнув, посмотрел на раненую ногу Тайсона. Брезентовая ткань «горки» на левой икре была прострелена, и внутри маленькой дырочки с подсохшими краями белела повязка.

– Заживет, конечно! – немного наигранным, но весьма убедительным тоном сказал он. – Ерунда! Хорошо еще, что навyleт. Скоро гопак отплясывать будешь. Петрович тебя живо на ноги поставит!

Тайсон слабо улыбнулся, не открывая глаз, и вяло махнул рукой.

Командир группы по прозвищу Ухтыблин, слышавший этот диалог, покачал головой. В группе двое раненых, один серьезно, и его приходится нести, а другой легко. Но эта легкость ранения хороша только для госпиталя, где пациент из-за своей медлительности может разве что опоздать в туалет, а в полевых условиях любое ранение превращает бойца в обузу для группы, отрывающейся от преследования.

Спецназовцы вытащили фляжки и повалились в траву, подложив рюкзаки под ноги. Ноги надо было беречь. Каждый знал, что сейчас его жизнь будет продолжаться ровно столько, сколько выдержат конечности. Никто ничего не говорил, в тишине, нарушаемой только щебетом птиц, слышалось тяжелое дыхание и звуки, издаваемые обычно, когда полоскаешь горло.

– Дайте и этому попить, – кивнул командир взвода в сторону, указывая на человека, рядом с которым застыли две молчаливые фигуры.

Мужчина сидел на траве, согнувшись и неловко положив скованные наручниками руки перед собой. С первого взгляда было понятно, что он не европеец, и вообще даже не россиянин. Полные губы, чуть выкаченные глаза с черными зрачками и темноватая кожа делали его похожим на араба, каковым, он, собственно, и являлся.

Абу-Мурат, специалист подрывного дела, был захвачен в глубоком тылу сепаратистов, где он готовил очередную группу для терактов на территории России. Внезапный рывок группы спецназа застал охрану тренировочного лагеря врасплох. В четыре утра, когда только встает солнце, освещая мокрые, в облаках, хребты сереньким светом, спецназ произвел огневой налет на охрану лагеря, моментально подавив суматошную стрельбу одинокого пулемета. Темные фигуры скользнули к палаткам, где спали курсанты. Шипящие щелчки бесшумных винтовок и хрипы, вскрики людей, которых убивают прямо в постели, произвели впечатление на Абу-Мурата. Кто так громко кричал во второй палатке? Саид? Наверное... он так любил петь... мир праху его... Самого Абу-Мурата поймали возле туалета, за которым росли густые заросли крапивы. Единственное, что успокаивало совесть араба, – он успел два раза выстрелить. То, что не попал в своих врагов, можно было объяснить только тем, что им помогает сам иблис. Два раза Абу-Мурат нажимал на спуск, целясь прямо в темную, казавшуюся огромной из-за костюма «лешего» фигуру, но оба раза «леший» непостижимым образом угадывал время выстрела и направление полета пули и уклонялся от пули, словно боксер от нокаутирующего удара. А потом Абу-Мурата сильно и точно ударили прямо по половым органам. Он согнулся до самой земли, забыв и о лагере, и о Саиде, моля только об одном – чтобы как можно быстрее прошла боль. Боль прошла, и Абу-Мурат очнулся, но уже с наручниками на руках. А когда он не захотел идти в лес с появившимися из рассвета непонятными фигурами, ему подняли руки за голову, пинком по голени раздвинули ноги, и «леший» снова приготовился его ударить в самое нежное мужское место. Здесь Абу-Мурат все понял. Детей у него еще не было, но после повторного жестокого удара в пах он может смело искать адрес приюта для брошенных малышей. Если останется в живых, конечно. А Абу-Мурат хотел жить. А кто не хочет? Так он оказался здесь, перед скалами, перед хребтом, за которым начинается контроль федералов

над территориями и куда в течение двух часов могут достать их «вертушки». Карту Абу-Мурат знал по памяти.

Дозорные поднялись по щебенке и нашли удобный выступ, нависающий над поляной. Внизу, в густой траве, прямо под ними, отдыхала группа. Солнце уже миновало зенит и слегка сместилось к западу. Горячие лучи ощутимо давили на спины и затылки спецназовцев, вызывая чрезмерное потовыделение.

Тюлень, ширококостный рыжеватый парень, осмотрел раскинувшуюся перед ним местность и удовлетворенно кивнул головой:

– Здесь побудем.

Он присел на нагретый камень, положил автомат на колени и потянулся за фляжкой. С наслаждением сделал крупный глоток, затем, поймав осуждающий взгляд напарника, скривился, набрал полный рот воды, сразу же став похожим на огромного хомяка, спешащего в нору со своей добычей за щеками, запрокинул голову и принялся полоскать горло. Его товарищ осторожно, оберегая раненую руку, опустился рядом. Это был сухощавый боец с настоженным взглядом и плотно сжатыми губами.

– Вода теплая, зараза!

– До ближайшего холодильника километров сто отсюда, – отозвался Резкий, держа фляжку здоровой рукой. – А все-таки красиво, да?

И он, и Тюлень, поглощая воду, не спускали внимательного взгляда с пологих хребтов, уходящих к востоку. К северу от них, над чертой, проведенной перистыми облаками, возносились к небу громада Главного Кавказского хребта. Среди густой зелени холмов были видны розоватыми и белыми пятнами отцветающие боярышник, яблоня и алыча. Казалось, что мягкая дымка, лежащая над дальними предгорьями, вызвана отраженным светом этих листьев.

– Смотри, рюрик! – Резкий, запрокинув голову для очередного полоскания, нашел взглядом птицу.

– Кто, что? – чуть не подавился Тюлень. – Какой еще Рюрик? Царь, что ли? Ты о чем сейчас, Резкий?

– Сокол на древнеславянском – это рюрик.

– А! – сразу же успокоился его напарник и поболтал зажатой в руке фляжкой. – Так бы сразу и сказал... а то напугал меня. Я подумал, что у тебя уже «глиюки» от промедола начались. – Тюлень знал, что Резкий увлекается историей, поэтому слова товарища его совсем не удивили. – Ну и что, – добавил он, со вздохом убирая фляжку, – кого здесь только нет. А может, и орел.

– Это сокол, – повторил Резкий, мотнув головой и провожая взглядом черную точку в небе над хребтом. – Орлы селятся дальше, там, в горах.

– Хорошо, хоть не ворона, – проворчал Тюлень. – Дурная это примета, когда ворон начинает кружить над спецназом. – Его лицо внезапно омрачилось, и он невольно бросил взгляд на раненую руку товарища: – Как, кстати, твоя рука?

Резкий осторожно подвигал плечом и поморщился:

– Плохо, Тюлень. Кровь уже не идет, но рука немеет. Я ее совсем не чувствую.

– Может, туго забинтовали? А давай-ка, я промедольчик еще уколою? – вдруг засуетился Тюлень и дернул клапан кармашка на разгрузке. – Сразу же и полегчает!

Несмотря на усталость, Резкий сразу же уловил в его голосе растерянность и страх.

– Не надо, – остановил он друга. – От промедола голова кружится и силы уходят. А мне еще полдня продержаться надо.

Тюлень внимательно посмотрел на него. Резкий знал, что означает этот взгляд. Тюлень навскидку пытался определить, насколько хватит у него сил. Хорошо, если дойдет, не свалится. Ну, а если нет, то Резкого донесут. Темп, правда, снизится, но ненамного. Одного уже тащат

на носилках. Еще одни носилки роли не сыграют. Всего-то делов – перевалить через хребет и выйти по реке к низовьям. Туда, к заброшенному домику лесорубов, и подскочит «вертушка».

Придя к такому логическому заключению, Тюлень несколько повеселел и усмехнулся. Резкий без труда прочитал на его лице всю нехитрую цепочку рассуждений, отвел глаза и выругался про себя. Его мучило нехорошее предчувствие. Во всякие приметы и суеверия он не верил, но почему-то был твердо уверен в том, что неприятности еще впереди.

– Смотри! – вдруг севшим голосом прохрипел Тюлень. – Ты видишь?! – Он вскинул руку и впился взглядом в склон хребта, обращенного к ним.

Резкий видел. Ослепительный мгновенный всполох, яркая точка света среди зелени на верхушке горы, там, где густая гряда деревьев подпирала небо.

– Это... это что было, а? – зашептал Тюлень. – Ты видел, Виталик?

– Ну, вот и все. Догнали, – устало произнес Резкий, нащупывая ствол автомата, переброшенного через плечо. – Вот этого я и опасался. Я знал, что все так просто не закончится. Мы ведь тащились как черепахи.

– Чего не закончится?! – оглянулся на него Тюлень. – Опять ты со своими загадками?!

– Саня, ты ведь уже и сам понял. Это отблеск или от бинокля, или от прицела. Кто-то лоханулся, не учел, что солнце светит прямо им в глаза. Это погоня, Тюлень. Иди, скажи командиру.

Никто из бойцов не закричал, поднимаясь, никто не сказал ни слова. Молчаливые парни встали, отряхнулись и выстроились в походном порядке.

– Носилки вперед, – распорядился плотный человек (движение группы всегда определяется по самому медленному бойцу), посмотрел на часы, покачал головой и занял свое место в середине группы, как и полагается по боевому уставу спецназа.

Извилистой пятнистой змейкой, порой совершенно сливающейся со скалами, бойцы медленно потянулись в гору по едва заметной каменистой тропинке.

Прапорщик был единственным, кто не оглядывался назад. Он мучительно размышлял.

До места прилета вертолета надо было идти около шести километров. Но это только по прямой. В предгорьях это расстояние можно смело увеличивать в три раза из-за постоянно сменяющихся подъемов и спусков. И раненые... они-то и задерживают группу. Будь взвод налегке, Ухтыблин еще посмотрел бы, кто первым придет к финишу. Его ребята натренированы, в группу отобраны самые лучшие, парни бегом пробежали бы эту дистанцию, задерживаясь разве что для установки всяких разных неприятных сюрпризов, чтобы их преследователям не стала в тягость обыденность погони. Через четыре, максимум через пять часов сядет солнце, а ночью преследование невозможно, погоне как бы самой не заблудиться в густом кавказском лесу.

Все было бы хорошо... но этот идиот-пулеметчик сумел все-таки каким-то чудом подбить двоих его парней. Как?! Прапорщик был готов прозакладывать свою месячную зарплату на то, что часовой не мог увидеть его бойцов. Не мог! Почувствовал, что ли? Или это была просто контрольная, прочесывающая местность очередь? Вполне может быть. Но сейчас это было уже неважно.

Ухтыблин сплюнул и поправил ремень автомата.

Теперь дальше... вполне вероятно, что преследователи перевалят через водораздел и будут идти за группой, насколько это возможно. Их интересует пленный, который бодро шагает неподалеку от прапорщика. На плохом английском ему уже объяснили, что он будет жить только до начала боя, если спецназ все-таки догонят. Араб оказался профессионалом и даже не пытался использовать какие-либо приемчики, чтобы задержать движение. Он понимал, что его попытаются освободить, ну, а если эта попытка не удастся, то неважно, с чьей пулей в голове он будет молчать. Значит, единственный разумный выход для него – это не отстать от спец-

наза и попытаться оставить между собой и его вчерашними «коллегами» как можно большее расстояние.

Так, с арабом все ясно. Пока ясно. Теперь ребята. Резкий и Тайсон... они здорово задерживают движение, с ними далеко не уйдешь. Ухтыблин выругался и остановился. Шедший за ним спецназовец недоуменно покосился на его широкую спину и тоже остановился, чтобы перевести дыхание. Прапорщик опомнился, дернул головой и двинулся дальше. Он был уверен в том, что с таким темпом группу настигнут уже на следующем холме, слишком медленно они идут. Придется оставлять заслон. Придется, ничего не поделаешь... только кого?

Ухтыблин поднял голову и привычно осмотрел неровный строй шедших в гору бойцов.

– Подтянуться! – захрипел он. – Подтянуться! На верху занимаем оборону! Передать по цепочке!

На гребне водораздела ветер дул сильнее. Он врвался в откиннутые капюшоны «горок», шевелил майки в распахнутых воротах курток и трепал рукава. Группа уже вся поднялась на перевал, и Ухтыблин, стоя на выступе, нависающем над единственной тропкой, ведущей на вершину, привычно прикидывал диспозицию обороны.

Он повернулся спиной к солнцу и принялся осматриваться. В общем-то, место было идеальное. Кустарник заканчивался далеко внизу, метрах в двухстах, и все пространство от кустарника до вершины покрывала каменная осыпь с вкрапленными в нее небольшими обкатанными булыжниками. Любой, кто появится на границе низкого леса и осыпи, окажется как на ладони, и спрятаться ему будет негде, и быстрым рывком в гору эту осыпь не преодолеть... сил не хватит... пулеметчик и снайпер смогут здесь полк до ночи удерживать. Действительно хорошее место. Тропа одна, и обойти обороняющийся спецназ попросту невозможно. За день невозможно, мысленно поправил себя прапорщик, а там посмотрим. Главное, выиграть время. И тщательно проинструктировать тех, кто останется. Хотя какой там инструктаж? Максимально задержать преследователей, а потом увести их в сторону, отвлечь. Все равно ребят преследовать долго не будут, стемнеет. Значит, им надо продержаться всего ничего, а потом подойти к месту встречи.

Ну, хорошо, вздохнул Ухтыблин, но кого же оставить? Он не стал дальше думать, сразу же подавил в себе симпатии к одним бойцам и тщательно скрываемое недовольство другими.

В спецназе нет ангелов. Сама служба выковывает сильные характеры, умение идти до конца и добиваться выполнения поставленной задачи. Люди уверены в себе, а при такой уверенности, помноженной на опыт, неизбежно возникает здоровый эгоизм. Не оставит же он здесь, например, Ваську Непоседу только лишь за то, что тот вечно опаздывает из увольнений. Как говорит сам Васька, это допустимая дипломатическая пауза. Дипломат хренов! Непоседа всегда появлялся на пятнадцать минут позже указанного в увольнительной записке срока. Один раз прапорщик поймал его за воротами КПП, когда тот сидел в кустах и поглядывал на часы, чтобы явиться в расположение в им самим установленное время. Конечно, Непоседа сразу же получил наряд вне очереди, но своего мнения о своей дурной привычке не изменил, как, впрочем, и сам прапорщик. Что же, оставить его здесь в заслоне, словно в наказание? Ухтыблин вздохнул, это ведь не наряд по кухне.

Тогда кого?

Сержанта Бугаева, который в последнее время совершенно разленился, распустил дисциплину в отделении и панибратствует со старослужащими? За это выговор дают, а не бросают под пули.

«Я оставляю тех, кто должен остаться, – решил прапорщик. – Пулеметчика и снайпера. Идеальная пара для прикрытия отхода. И это будет правильно и честно. Значит, Кузя и Шварц... Один отлично стреляет, а второй, в случае надобности донесет до нужного места и пулемет, и своего товарища. Вот и ладушки».

Он поискал взглядом рослую фигуру Шварца. Тот как раз аккуратно поднял тяжеленный валун, пронес его несколько метров и опустил перед собой, привалив к другим камням.

«Неплохое пулеметное гнездо, – машинально отметил Ухтыблин, приподнялся на носках, с трудом вытянул накачанную короткую шею, осмотрел весь склон и вновь прикинул сектор обстрела. – Да, все правильно. Простреливает весь фронт, а самого еле заметно. Так, а где запасная позиция? – встревожился он. – Запасная позиция крайне важна для долговременной обороны. Это только в кино пулеметчик часами ведет огонь с одной точки. В реальном бою по нему уже через полминуты начинает стрелять снайпер».

Оглядываясь по сторонам, он заметил несколько дальше, за скальным уступом, зеленый короб с заправленной в него пулеметной лентой. Сразу успокоился, приказал Шварцу позвать Кузю и стал ждать.

Через полминуты к нему подошли два бойца.

– Здесь такое дело, – кашлянул командир взвода. – В общем... это... парни вы у меня надежные и стрелки отменные. Надо ребят выручать... остаться вам надо, – и внимательно всмотрелся в лица бойцов.

– Понятно, – кивнул после паузы Кузя.

– Останемся, о чем речь, командир! – прогудел Шварц и хлопнул Кузю по плечу: – Не бойся, комар, прорвемся!

– Вот и хорошо, – кивнул прапорщик, ничем не выдавая своих эмоций. – Смотрите сюда. – Он вытащил карту и начал инструктаж.

Через пять минут Ухтыблин отпустил бойцов, спустился немного ниже по хрустящей гальке, присел на камень, зажмурил глаза от слепящего солнца и закурил.

«Сколько у нас времени? – устало прикинул он. – Полчаса? Нет, скорее всего полтора-два. Так быстро «они» в гору не поднимутся. Все не поднимутся. Пока авангард дожидается остальных, пока осмотрятся на местности, пока решатся выйти на осыпь... Да, часа два у нас есть. Ну, а за это время мы уже уйдем далеко».

– Иваныч? – тихо окликнул его знакомый голос. – А, Иваныч?

Прапорщик почему-то сразу понял, о чем его будут просить. Именно просить, раз обратились именно так, по отчеству. Но он никуда не торопился. Не открывая глаз, подставив лицо солнцу, медленно сделал несколько затяжек, слушая, как пролетающий вдоль хребта ветер негромко свистит в ушах. Голос терпеливо ждал. Ухтыблин докурил, открыл глаза, поплевал на окурки, бросил его под ноги, присыпал галькой и только потом поднял голову.

Под низким деревцем с редкой листвой, которое каким-то чудом держалось корнями за каменную почву, стояли носилки. На них сидел Тайсон с вытянутой вперед раненой ногой. Боец медленно поворачивал ступню в разные стороны, словно любовался измазанным ботинком. Grimаса боли иногда искажала его лицо, и тогда спецназовец негромко ругался сквозь стиснутые зубы. За этой процедурой внимательно наблюдал стоявший рядом Резкий.

– Ты что делаешь, Авдеев?!

– Уф! – выдохнул Тайсон, вытирая пот со лба. – В стороны больно поворачивать, но на пятке стоять можно, я думаю, только шнурки потуже затянуть. Все нормально, Иваныч.

– Да? – рассеянно поинтересовался прапорщик, думая о своем. – Ну, это хорошо.

– Товарищ прапорщик, – снова проговорил Резкий, – Иваныч!

– Чего тебе, Одинцов? – сурово осведомился Ухтыблин и перевел взгляд на Тайсона: – Ты почему встал, Авдеев? Кто тебе разрешил?

– Да ладно тебе, Иваныч, – негромко проговорил Резкий. – Дело есть.

– Какое еще дело?! – возмутился прапорщик. – Совсем распоясались! А ну, позови сюда фельдшера!

Резкий шагнул вперед и неловко, оберегая раненую руку, опустился на камень рядом с командиром. Ухтыблин сдвинулся в сторону, с подозрением глядя на бойца:

– Ну, что здесь происходит?

– Давай мы останемся, Иваныч. А что? Позиция отличная, продержимся до вечера. Чего ты зря ребят ложить будешь? Да и зачем? Ты забираешь группу и уходишь, у тебя ценный информатор, рисковать нельзя. Дойдешь до места быстро и вызовешь «вертушку». А мы пока здесь повоюем. Все равно с нами далеко не уйдешь. Ну, как тебе моя стратегическая мысль, а?

– А не пошел бы ты вместе со своей (здесь прапорщик принялся употреблять нецензурные, но вполне понятные бойцам выражения)... мыслью! Здесь командую я, и вы будете выполнять мои приказания!

– Ерунда сейчас это все, Иваныч, – вздохнул Резкий, – оставаться надо нам. Мне и Тайсону. И чем быстрее ты уйдешь, тем быстрее вызовешь вертолет, и тем больше у нас шансов спастись! Неужели ты этого не понимаешь? Так уж получилось, Иваныч, – негромко проговорил он, отрешенно глядя на зеленеющие холмы. – Да и нам оставаться не хочется, хочется в госпиталь, на уколы к симпатичной сестричке ходить. Но это немного попозже.

Прапорщик внимательно посмотрел на него и все понял. Эти двое все решили. И они уже готовы, уже считают оставшиеся патроны, уже прикидывают, насколько хватит у них сил. Оставалось только принять формальное решение. Как ни крути, а Резкий был прав.

Лицо командира группы потеряло свою твердость. Он посмотрел на Резкого, затем на Тайсона (тот кивнул ему и улыбнулся) и снова опустил голову в мучительном раздумье.

– Ну же, Иваныч, – слегка подтолкнул его локтем Резкий. – Командуй, братишка.

– Ух ты, блин, да что же вы со мной-то делаете, а, ребята? – пробормотал прапорщик. Он глубоко вздохнул, шумно выдохнул, хлопнул ладонями по коленям и, поднявшись, уже прежним командирским тоном произнес: – Если вы нас не дождетесь, то каждому по возвращении два... нет, три наряда в карауле! И без увольнений! И без девочек! И без пива! Я вас научу Родину любить, раскудрит ваше коромысло!

– Три – многовато будет, – рассудительно сказал Тайсон и поднялся, придерживаясь рукой за ствол дерева. – Это вы уже слишком, товарищ прапорщик.

– Молчать! – зашипел Ухтыблин. – Выполнять! Дождаться «вертушки» живыми! Да я вас...

– Гранат бы нам побольше, – озабоченно проговорил Резкий и тоже встал на ноги. – И пулемет. Ты уж не обессудь, Иваныч.

Прапорщик кивнул, неожиданно обнял Резкого, на секунду прижал его к себе, оттолкнул, шагнул к Тайсону, потрепал того по голове и ушел наверх, к своим бойцам.

– Ну, вот и все, Юрчик, – кивнул Резкий, провожая взглядом широкую спину командира. – Повуюем мы с тобой на пару.

– Три солдата из стройбата заменяют экскаватор, – закричал Тайсон, выпрямляясь и осторожно ставя поврежденную ногу на землю. Он сцепил зубы и удержал рвущийся с губ стон.

– Ну, что?

– Стометровку я сейчас не пробегу, это точно. Но до запасной позиции доковыляю.

– Тогда давай за пулемет.

– А один солдат ВВ заменяет их втройне, – продолжил Тайсон. – Значит, нас уже шесть человек. Или девять, Резкий? У меня с математикой со школы еще неполадки были.

– Нас тут вполне хватает, – усмехнулся Резкий. – Пойдем позиции посмотрим. Руку давай, помогу.

– Смотри не упали, – предупредил его Тайсон, – я тяжелый. Вот смеху будет, если мы здесь начнем ползать по щебенке. Тогда Ухтыблин точно передумает. Скажет – вам, вояки хреновы, место не в бою, а в госпитале.

– Давай, давай, – подставил ему здоровое плечо Резкий. – Только не очень наваливайся.

Тайсон протянул руку и несколько раз придавил плечо товарища, пробуя его на устойчивость. Тот качнулся и поморщился.

– Инвалидная команда, – проворчал Тайсон. – Лучше я тебя за ремень возьму, а то еще свалишься к чертовой матери.

Вдвоем они прошли несколько метров вверх и остановились за позицией пулеметчика.

Шварц, услышав шаги за спиной, оглянулся и поднялся, отряхивая ладонями штаны.

– Вот, вроде бы все приготовил. Вы это, ребята... кто за пулеметом будет?

– Тайсон, конечно, – ответил Одинцов. – Сегодня он будет тренировать челночный бег.

От одной позиции к другой.

– Все шутишь, – пробормотал пулеметчик, глядя в сторону. – Тайсон... я прицел на двести метров выставил, ты на постоянный его не ставь, он выше тогда берет. Потом, если ближе подойдет, прицел переставишь на сотню.

– Разберемся, – кивнул Тайсон, опускаясь на живот. – Молодец, Шварц, хорошую позицию выбрал.

Огромный парень топтался рядом, не решаясь уйти.

– Да не стой ты над душой, Костя, – негромко попросил Резкий. – Иди уже. Времени вам терять нельзя. Ухтыблин группу строит.

– Ну... тогда пока, что ли?

– Пока, пока, Константин, – отмахнулся Тайсон. – Гранаты оставь, если есть.

Шварц вытащил из специального кармашка на разгрузке пару «лимонок», осторожно положил их рядом с Тайсоном и пробормотал:

– Ну, вы это... держитесь здесь.

Он потоптался еще некоторое время, потом сжал кулак, потряс им и скрылся за каменным обломком.

Резкий проводил его взглядом и вздохнул:

– Переживает наш Костик.

– Еще бы, кто его теперь на гитаре будет учить играть. Закончились уроки. На некоторое время... – Тайсон лежал на боку, вкручивая запалы в гранаты.

– У меня здесь берет, – смущенно сказал Резкий, вытаскивая из-за пазухи пластиковый пакет.

– Зачем ты его с собой взял? – хмыкнул Тайсон. – Мы ведь на парад собирались.

– Не знаю. Я его всегда с собой беру. Как талисман.

– Ухтыблин узнает, накажет.

– Слышь, Юра, – Резкий покачал пакет в руке, – если со мной что-нибудь случится, ты тогда берет забери.

– Заберу, не беспокойся, – серьезно пообещал Тайсон. – А сейчас хватит лирики, надо о делах подумать. Гранаты сможешь кидать?

– Да. Только левой рукой. Но сейчас это неважно, вниз же бросать будем.

– Это точно. – Тайсон перевернулся на живот и аккуратно разложил «лимонки» справа от себя. – Как ты думаешь, еще увидим ребят?

– Вряд ли, Юра, – покачал головой Резкий, хлопнул товарища по плечу и поднялся. – Я пойду вон за тот камешек, правый фланг прикрою.

Через сорок пять минут, когда группа уже поднималась на крутой гребень, весь заросший буковым лесом, на перевале раздалась первая очередь. В теплом воздухе она была хорошо слышна. Ухтыблин бросил взгляд на часы и покачал головой. Что-то быстро. Быстро «они» начали. По его расчетам, у парней в запасе было еще около часа. Но, видимо, торопились и их преследователи. Значит, бросились вперед без подготовки. Ну, что ж, получают свое.

По мере того как группа уходила от водораздела все дальше и дальше, стрельба становилась все тише. Прапорщик нещадно взвинтил темп, и спецназовцы буквально хрипели, чуть ли не бегом преодолевая распадки и подъемы, перепрыгивая через еле заметные ручейки в низин-

ках и с хрустом проносясь по закиданному сухими ветками подлеску. Пленного уже тащили под руки. Пот катился градом по заросшим небритым лицам, и бойцы машинально смахивали его рукавом «горки», сделанной из грубого брезента. Некоторые уже расцарапали себе лбы и щеки, но на такую мелочь никто не обращал внимания.

Пулемет гремел вперемешку с автоматными очередями. Ухтыблин с тоской в душе ждал взрывов гранат. Это бы означало, что его ребята приняли ближний бой. И когда до его ушей донесся первый, практически заглушенный ветром и расстоянием хлопок разорванного воздуха, прапорщик увидел, как невольно замедлился шаг его людей. Тайсон и Резкий имели среди них немало хороших друзей и пользовались вполне заслуженным уважением. Уже не сдерживаясь, он хрипло обложил матом идущего впереди бойца и приказал ускорить движение.

Глава 1

У детей и спецназовцев есть одна общая черта. Или особенность. Для времяпрепровождения тех и других руководство всегда старается выбрать самые живописные места. Чтобы рядом с ними обязательно находилась речка или озеро и чтобы был лес. Эти два условия всегда учитываются при расположении базы спецназа или пионерского лагеря. На этом сходство между подрастающим поколением и внутренними войсками заканчивается. Для одних речка – это место, где можно купаться и играть, для других – водная преграда. Для детей лес – место для прогулок, а для спецназа – это полигон для отработки всевозможных учебных задач.

Время диктует свои правила, и в условиях суровой рыночной экономики пионерский лагерь, построенный рядом с одним из городков на Кавминводах, «приказал долго жить». Но пустовал он недолго. Дети уехали, а вместо них в дощатые домики вселились не менее веселые и шумные взрослые. Бывший пионерский лагерь оснастили по периметру скрытыми датчиками движения и расставили караулы. Заменяли кровати, столы и стулья. Летние душевые кабинки убрали, и вместо них построили баню. А над домиком директора лагеря поднялись российский флаг и длинная тонкая антенна.

Солнечным февральским утром молодой рослый парень в куртке и черной вязаной шапочке, пройдя пару километров от города по забросанной снегом гравийной дороге, ведущей через лес, остановился перед железными воротами бывшего пионерского лагеря. Слева от ворот стояла будка контрольно-пропускного пункта с прибитой над дверью табличкой, которая извещала о том, что эту территорию занимает подразделение Внутренних войск Российской Федерации. Перед будкой находилась расчищенная от снега травяная площадка, служившая стоянкой для машин, от которой вела тропинка к деревянному крыльцу КПП. Кроме этой тропинки и колеи, уходящей от ворот, снежное покрывало нигде не было тронуту ни лопатой, ни следом.

Прохожий поправил воротник куртки, снял перчатку с руки и нашарил в кармане холодный леденец. Забросив в рот сладкую конфету, с тоской подумал о сигарете, но тут же привычным усилием воли подавил это желание. Там, где он собрался провести ближайшие три года, не особо привечали людей, увлекающихся никотином.

«Странно, – подумал парень, перекатывая на языке леденец и морщась от густой сладости во рту, – и куда только старшина смотрит? Снег вдоль забора не убран. Неужели никому нет до этого дела? Непорядок же! Хотя, наверное, снег не убирают, чтобы можно было заметить следы. Все-таки военный объект. Мало ли кто может в лесу шататься... Дурак ты, Серега, зря на старшину грешил».

Он сплюнул густую вязкую слюну, глубоко вдохнул и решительно направился по тропинке к деревянному крыльцу без перил.

– На вечернюю поверку становись!

Голос старшины разнесся по всему кубрику. Бойцы, разговаривая на ходу, потянулись в длинный проход между кроватями. Сергей встал с табуретки, одернул куртку и поправил ремень, ища взглядом своего сержанта. Тот оглянулся, привычно прикинул его рост и сказал стоящему рядом с ним усатому парню:

– Подвинься, Безуглов. Новичок повыше тебя будет.

Безуглов удивленно и неприязненно посмотрел на Сергея, но спорить не стал. Он служил уже пятый год и знал, что место в строю определяется ростом, а не выслугой лет. Исключение составлял только командный состав.

Сергей занял место рядом с сержантом, выпрямился, присмотрелся и выровнял носки своих начищенных новеньких «берцев», которые он недавно получил на складе, с такими же сияющими «берцами» командира отделения.

– Слышь, Витек, а кто сегодня на «отбое» будет? – вполголоса поинтересовался Безуглов у сержанта, чуть наклонившись вперед.

– Не знаю, – рассеянно отозвался сержант по кличке Бугай и передернул плечами. – Я слышал, что сам замкомандира по боевой. А что?

– Да ничего, – недовольно пробормотал Безуглов. – Хотел после отбоя выйти на КПП, ребята знакомые должны подъехать.

– Слышь, Безухий... Пьер который... я тебе выйду! Хочешь полночи не спать, как в прошлый раз? Если зам заметит, – а он заметит, сам знаешь, – тогда точно за ночь раз пять отработаем план «Кольцо»!

– Да он нормальный мужик! Уважает старослужащих. Я с ним договорюсь, Витя.

– Ты со мной сначала договорись! – зашипел Бугай. – Никаких выходов за пределы КПП! Ты понял меня?!

Безуглов что-то проворчал себе под нос и замолчал.

Сергей усмехнулся. После первого дня своего пребывания в отряде он уже вполне разобрался в укладе жизни специального подразделения.

Хоть все здесь и были контрактниками, то есть профессиональными военными, и имели право после шести часов вечера отправиться к себе домой, не все устаивались такой чести. Бригада, в которую входил отряд, числилась военной частью постоянной боевой готовности, и командир отряда имел право отпустить отдыхать не более двадцати процентов личного состава.

Он задумался, прикидывая, когда же дойдет его очередь, как новичка, до первого увольнения, и не заметил, как перед строем появился офицер в камуфляже и с краповым беретом на бритой голове.

– Сержант Авдеев! – донесся до него голос лейтенанта, проводившего вечернюю поверку.

– Погиб смертью храбрых при выполнении боевого задания! – ответил кто-то из строя.

Сергей вздохнул. Только недавно он отслужил «срочку», аж целый год. Помнил, как рвался домой, как скучал по «гражданке» и как потом хотел вернуться к своим товарищам. Дома с родителями ему хватило и недели, чтобы начать маяться от безделья. Всех друзей он уже повидал, они, конечно, были ему рады, но время неумолимо. Кто-то уехал учиться в другой город, кто-то работал. Прежних дней, наполненных бездумным времяпрепровождением и развлечениями, уже было не вернуть. Поэтому он не особо и возражал, когда отец за ужином сказал ему:

– Ну что, боец, пора определяться. Куда думаешь пойти?

– Не знаю, па... – пожал плечами Сергей. – На работу? На какую? Юристом? С моим техникумом? Кто меня возьмет, кому я нужен?

– А со спортом как? Ты вроде ходил в свою секцию?

– Па, мне двадцать два года. Я всего лишь кандидат... так, заходил, для поддержания формы.

Отец задумчиво хмыкнул и внимательно посмотрел на сына. Он понял, что тот уже принял решение, но пока не хочет говорить о нем.

Сергей действительно не говорил родителям, что подал заявление в спецназ, до тех пор, пока его документы не прошли проверку и теперь оформлялись в строевом отделе. Бледная мать сразу же ушла в свою комнату, туда же торопливо прошел отец, и в квартире вскоре запахло валерьянкой. Сергей сидел на кухне, мрачно уставясь в окно. Своего решения он менять не будет. Маму, правда, жалко, ее он вполне понимал...

– Сержант Одинцов!

– Я! – машинально отозвался Сергей.

И только по мгновенно установившейся тишине понял, что сказал, и опустил голову.

Заместитель командира взвода, который должен был выкрикнуть «Погиб смертью храбрых!», поперхнулся и закашлялся.

Весь строй повернулся на его голос. Бойцы вытягивали шеи и крутили головами, пытаясь разглядеть неопытного новичка, который уже, сам того не осознавая, стал легендой второго взвода. Но никто не засмеялся.

В полной тишине, в которой слышался только равномерный скрип его кожаных ботинок, майор, сопровождаемый всеобщими взглядами, неторопливо направился вдоль строя к месту, где стоял Сергей. «Краповик» верно рассчитал дистанцию и остановился прямо перед новичком.

– Новенький, значит, – кивнул он и вздохнул. – Что ж ты, парень, так торопишься? Не на свою фамилию отозвался... не порядок.

– Это моя фамилия, товарищ майор.

– Да? – несколько удивленно проговорил офицер и внимательно всмотрелся в новичка. – Однофамилец, значит... теперь понятно.

«Однофамилец, – облегченно вздохнул строй и зашептался: – Бывает же так... задумался пацан».

– Я не однофамилец, – чувствуя, что сейчас у него сорвется голос, произнес Сергей, – я его брат.

– Ух ты, блин! – пробормотал майор. – Одинцов, значит? А ведь похож... похож! Что ж ты сразу-то?

Сергей пожал плечами. Говорить он уже не мог.

– После проверки зайдешь ко мне, – произнес заместитель командира отряда и, отвернувшись от Сергея, молча пошел к себе в кабинет.

Через несколько секунд ошарашенный лейтенант справился со своими нервами и начал переключку заново.

Спецназ как спецназ. Сергей знал, куда шел. Тайком от брата, когда тот приезжал в отпуск, он примерял краповый берет на свою маленькую головенку, и, чтобы придать себе более мужественный вид, сердито хмурил брови перед зеркалом. Он мечтал о настоящем, а не игрушечном автомате, и все приставал к Виталику, чтобы тот рассказал, сколько врагов застрелил. Виталик смеялся и называл его «грозой террористов».

– Виталь, а Виталь, – прицепился он к брату в очередной раз, когда тот, откинувшись в кресле, смотрел какой-то классный, по мнению Сережки, боевик по «видаку». – А что самое главное в спецназе? Пулемет или снайперская винтовка? Или вот такие гранаты, – ткнул Сергей пальцем в экран.

– Эх, братан... самое главное в спецназе – это хорошая погода, – улыбнулся Виталий.

Сергей тогда здорово обиделся на него, но эти слова почему-то запомнил.

Хорошая погода... Спецназу не бывает холодно, спецназу бывает свежо. Утренняя обязательная пробежка в любое время года, турники, брусья, штурмовая полоса, полоса препятствий, стрельбы, «рукопашка», занятия по тактико-специальной подготовке... Дни летели незаметно, оставляя после себя только здоровую усталость в до предела загруженных мышцах. Натертые мозоли на ладонях Сергея лопнули в конце первой недели, превратившись через месяц в твердую, со слезающей после бани кожей, череду выпуклых бугорков. Лицо обветрилось и потемнело от ветра и отраженных от снега солнечных лучей.

«Старики» с новичком держались достаточно ровно и приветливо, хотя никто из них, кроме Ухтыблина и бессменного старшины отряда, не помнил его брата, погибшего двенадцать лет назад. Вообще «дедовщины» в отряде не было ни в каком виде, разве что более младший

по возрасту в знак уважения заварит «дедушке» душистый чай после изнуряющего «физо», да и выпьет его вместе с ним.

Практически у всех бойцов были клички, отражающие особенности их характера, привычек, телосложения или прежнего рода занятий. Прозвище было необходимо, так как на боевой операции или при переговорах по радиации командир не имел права озвучивать фамилии своих бойцов.

К Сергею обращались просто по фамилии, никак не выделяя его среди общей массы. Достойное «погоняло», как однажды выразился сержант, еще надо было заслужить.

В начале весны Ухтыблин на утреннем разводе скучным голосом объявил о том, что их отряду выпала большая честь. Так как 43-й отряд по итогам полугодичной проверки был признан лучшим по Южному федеральному округу, то необходимо сформировать отделение в количестве десяти-двенадцати человек и отправить это самое отделение, составленное, конечно, из самых лучших, достойных бойцов, на войсковые соревнования спецназа. «Я не сомневаюсь, – добавил майор, обводя строй внимательным взглядом, – что за место в этом отделении пойдет свирепая борьба, поскольку каждый... я повторяю, каждый!.. боец отряда достоин этой почетной миссии». Поедут, конечно же, только «краповые береты», тихонько вздохнул Сергей. Попасть на соревнования, да еще такого уровня, было бы почетно, но он вполне справедливо считал себя еще неготовым, чтобы представлять славный 43-й отряд на состязаниях в Софрино, где располагался Всероссийский центр подготовки спецназа.

– Командирам взводов прикинуть кандидатуры, после обеда со списком ко мне, – распорядился Ухтыблин и подмигнул «краповику», стоявшему в строю прямо перед ним. – Бугаев, «рукопашку» выиграешь, присвою высокое звание прапорщика. Намек понятен?

– Так точно, – задумчиво ответил Бугай и передернул плечами.

Совещание у майора затянулось до вечера. Бойцы, проходившие мимо его кабинета, невольно замедляли шаг, прислушиваясь к долетающим из-за плотно закрытой двери голосам:

– Да мой Савелов спичечную коробку за пятьдесят метров из СВД ложит!

– Кладет.

– Да какая разница!

– Да при чем тут твоя коробка?! Там кучность нужна! Кучность! Из десяти выстрелов все десять положить в ростовую на шестьсот метров! Там зрение необходимо и нервы. А разброс из «снайперки» – три сантиметра на сто метров! Так что это случайность была с твоим Савеловым!

– Как это – случайность? Случайность?! Ты вчера на занятиях по «рукопашке» был?

– Да при чем тут «рукопашка» и стрельба?!

– Вот слушай! Бойцы отрабатывали бой на саперных лопатках. Потом стали бросать их в мишень. А тут по своим делам проходил Василич.

– Продслужба, этот?

– Ну да! Ну, ему скучно стало... он как раз только комиссию проводил, они у него столовую проверяли, ну, и на прощание отметили удачную проверку. Он к ребятам подходит и говорит: «Эх, сынки, ничего вы не умеете. Смотрите, как надо!» Берет лопатку и метров с тридцати просто бросает ее по направлению к мишени, разворачивается и уходит. Мужик-то он здоровый и плотный, всю жизнь в тылу... даже не посмотрел, как он мне потом рассказывал, попал или нет. Ясное дело, не попал. Но вот какая-то странная тишина у него за спиной наступила. Оборачивается – лопатка в центре мишени, как и положено, да еще с такого расстояния. У моих молодых пацанов глаза на лоб полезли. Если уж начальник столовой так лопатки метает, то как тогда обращаются с ними «краповые береты»?

– Вот это случайность была! – потонул в хохоте выкрик рассказчика. – А Савелов лучше стреляет, чем прапорщик лопатки кидает!

– А Бугаев тоже ничего... вчера видел я его на спаррингах. Или, может, Зверя из первой группы выставить?

– Какой еще Зверь? Да вы что? Он же курит!

За дверью опять засмеялись:

– Мы не на педсовете в школе, товарищ лейтенант.

– Да я не об этом, там же выносливость необходима. Три раунда подраться – это какие легкие иметь надо!

– Товарищи офицеры, давайте по порядку, а то мы так до утра просидим!

На вечерней проверке Ухтыблин зачитал состав группы. Он внимательно вглядывался в исчерканный листок и два раза поправлялся, называя не те фамилии. Наконец закончил, аккуратно свернул ценный документ и сунул его в нагрудный карман.

– Все названные бойцы освобождаются от всех видов службы и усиленно готовятся к соревнованиям. Если выиграете – молодцы. А нет – так я вам все пропущенные наряды и караулы припомню по возвращении. И увеличу вдвое. Это ведь справедливо, правильно?

В строю начали переглядываться.

– Это шутка была, – с каменным лицом произнес Ухтыблин. – Но в каждой шутке есть доля... чего, Бугаев?

– Правды, товарищ майор?

– Шутки, Бугаев... Разойдись! Командирам взводов и отделений обеспечить выполнение приказа!

В спортзале к Сергею подошел командир отделения:

– Слышь, Одинцов, а давай-ка в паре постоим. Я за тобой понаблюдал... ты ведь боксом занимался? Я видел, как ты по мешку работал. С борцами я уже повозился, теперь руками надо побить.

– Да было дело, – неохотно ответил Сергей. – Но я занимался так, для себя, я не чемпион какой-нибудь, – быстро добавил он.

Сергей уже успел заметить, как Бугай готовится к «рукопашке». Парень всерьез рассчитывал на погоны прапорщика, звание которого давало солидную прибавку к зарплате. Бугай тренировался истово, этого у него было не отнять, он не щадил себя, но при этом не жалел и других. По регламенту соревнований на бои мог выставляться только один боец из группы, а так как соревнования заканчивались «рукопашкой», этот один человек мог существенно снизить или повысить рейтинг своей команды с помощью набранных очков на самом финише.

– Да не бойся! – усмехнулся сержант и хлопнул Сергея по плечу. – Я легонько. А то уже все отказываются со мной спарринговаться, а мне ведь готовиться надо!

Сергей задумчиво покивал. Он вполне понимал тех ребят, которые после одного боя с Бугаем снимали перчатки и уходили, несмотря на все уговоры сержанта.

Бугай не умел сдерживаться. А может, и не хотел, хотя каждому перед боем говорил то же самое, что и Сергею. Начинал он спарринг действительно умеренно, делая нырки и уклоны, выбрасывая руки в легких ударах и работая на технику. Он улыбался и подбадривал своих противников:

– Давай, давай! Достань меня! Так, хорошо... Еще! Хорошо! Давай еще! Молодец!

Затем глаза Бугая наполнялись яростью, лицо краснело, он выжидал удобный момент и обрушивал на соперника шквал сильнейших ударов, стремясь закончить бой досрочно, нокаутом. В поединки Бугая несколько раз вмешивались ведущие занятия офицеры, когда замечали, что спарринг грозит закончиться избиением одной из сторон. Однако серьезных замечаний ему никто не делал, все понимали, что без здоровой спортивной злости ничего не выиграешь. Но и подставлять себя под кулаки не умеющего владеть собой сержанта никому не хотелось.

С его «тактикой» познакомились практически все бойцы отряда, и охотников боксировать с Бугаем находилось все меньше и меньше.

Сержант был отлично развит физически, он жал стокилограммовую штангу шесть раз в пяти подходах и подтягивался двадцать два раза.

– Я ведь не «тяж», как ты, – рассудительно заметил Сергей, оглядывая внушительный торс Вити Бугаева. – У меня восемьдесят семь было, а сейчас еще и похудел, наверное.

– Да не бойся! – повторил сержант, поигрывая мускулами. – Я легонько.

Отказываться было нельзя, на голос Бугая уже начали поворачиваться.

– Ну, что ж, – кивнул Сергей, – давай. Сейчас только руки забинтую.

Бугай удовлетворенно улыбнулся и повернулся к лейтенанту, который вел занятие:

– Товарищ лейтенант, время засекайте! Три раунда по три минуты, как обычно!

– Полегче, Бугаев! – сразу встревожился молодой офицер, но все-таки вытащил из кармана «спортивки» секундомер. – Ты мне так всех бойцов покалечишь!

– Да мы легонько, товарищ лейтенант.

– Знаю я твое «легонько», – пробормотал лейтенант и посмотрел на Сергея: – Ты как, готов? Выдержишь?

– Постараюсь.

Раунд, как обычно, начался с улыбок сержанта. Осознавая, что он сейчас находится в центре внимания (вся группа прекратила занятия и собралась вокруг ковра, на котором проходил поединок), Бугаев красовался, небрежно уходя и отмахиваясь от легких, разведочных ударов Сергея.

– Хорошо! Хорошо... Ух ты, молодец какой! – улыбнулся он после точного тычка Сергея прямо ему в лоб. – Да ты боксер, наверное!

Однако его глаза не соответствовали тону, которым он это произнес. В них мелькнула угроза, словно вспыхнула молния и тут же погасла, сержант спрятал свои эмоции для более подходящего случая.

Через десяток секунд боя Сергей понял, что Бугаев не был «чистым» боксером. Он покружил вокруг него, пробуя левой рукой защиту соперника, потом, улучив момент, провел несколько легких атак, быстро и легко выбрасывая руки, и понял, что Бугай не имеет хорошей защиты, отработанной долгими тренировками. Сержант терялся и злился, когда Сергей попадал в него.

Бугай был просто хорошим уличным драчуном. Могучее здоровье, некоторые навыки борьбы и бокса, но самое главное – неукротимый характер и желание добыть победу сделали его незаменимым кандидатом для поездок на всяческие соревнования.

«Ну, все ясно, – подумал Сергей, в очередной раз уклоном и шагом в сторону уходя с линии атаки. – Майк Тайсон, блин! Ему надо выиграть по-любому, без оглядки на последствия. Что будет со мной, его совершенно не интересует, хотя мы сейчас не на соревнованиях и рубку устраивать необязательно. Сейчас он начнет злиться. Надо не пропустить момент. Это его сильный козырь, надо признать. Атакует он очень быстро, взрывная сила у него имеется. Поэтому и попадает с первых же ударов, а потом только добивает. Что ж, все простенько и со вкусом. Придется рубиться, просто так бить себя я не дам... Вес только у него больше... ладно, рискнем».

Ухтыблин, проходя мимо спортзала, не услышал привычных звуков занимающейся группы. Обычно из-за двери доносились звон железа, натужное дыхание борцов, голоса инструктора и бойцов, но сейчас в спортзале царил непривычная тишина, словно там никого не было. Он нахмурился и посмотрел на часы. Как это так, никого не было? Ведь он лично составлял расписание занятий!

Майор потянул на себя дверь и просунул голову внутрь. Вся группа во главе с лейтенантом, вместо того чтобы тренироваться, столпилась вокруг ковра, который заменял ринг.

Ухтыблин сразу же все понял. Кому там сегодня не повезло с Бугаем? Он подошел поближе, махнул рукой лейтенанту, который обернулся на звук открываемой двери, и принялся осматриваться.

А, Одинцов... неплохой парнишка. Служит хорошо, с желанием, а не «отбывает номер». И похож... как он похож на Резкого! Ухтыблин вздохнул. Отослали родителям только личные вещи, которые остались в отряде, но вот только крапового берета Резкого не смогли найти. Куда он его дел? Потерял, что ли? Нет, это невозможно. Но вроде везде искали... Интересно, когда Бугай начнет бить? Его вряд ли остановишь, ему совсем не интересно, чей Одинцов брат. Ухтыблин похвалил себя за интуицию. Как он вовремя зашел в спортзал! Когда Одинцов «поплывет» от первых ударов, а это скоро произойдет (Бугаев уже начал злиться, улыбка на его лице плохо скрывала еле сдерживаемую злость), то он тут же остановит бой. Хотя основному «рукопашнику» надо тренироваться, но почему-то майор не хотел, чтобы Бугаев тренировался на Одинцове. Почему? Как его? Да, Сергей... Так вот, Сергей ничем не хуже и не лучше других бойцов и не нуждается в жалости, если уж пошел в спецназ. Незачем жалеть. Но Ухтыблин был твердо уверен в том, что, если бы Резкий сейчас находился здесь, то Бугай вел бы себя иначе.

Бугаев тем временем чуть пригнулся и, с силой оттолкнувшись от ковра ногами, бросился вперед, выбрасывая руки в тяжелых ударах. Первый, сокрушительный удар Сергей встретил поднятым левым плечом, но удар был так силен, что его отбросило на канаты. Бугай тут же оказался рядом. В его глазах Сергей прочитал окончательный приговор, который не подлежал обжалованию. В ближайшие секунды все должно было закончиться.

И тут он разозлился. Ведь давал шанс Бугаю закончить дело мирно, без нокаутов, но тот не захотел. Ладно...

Сергей стремительно пригнулся, пропуская над головой тяжелый правый сержанта, затем разогнулся и, используя инерцию тела, жестко и безжалостно ударил Бугая в голову.

Сержант пошатнулся, но устоял. На долю секунды его глаза стали бессмысленными, и он опустил руки. Сергей сделал шаг назад, выбирая наиболее удобную дистанцию, и провел стремительную «двойку», целясь в открытый подбородок. Он бил расчетливо и сильно, вполне осознавая, что делает.

Любой, достаточно сильный удар по голове, нанесенный по любой ее части, приводит к так называемому «инерционному взрыву» и нарушению работы вестибулярного аппарата. Мозжечок сержанта от полученных потрясений сместился в сторону на считанные микроны, но и этого вполне хватило, чтобы центральная нервная система временно потеряла контроль над телом, и он рухнул на ковер.

Первым очнулся майор.

– Врача сюда, быстро! Никитин, за водой! Лейтенант, ко мне! – закричал он в полной тишине, и все вокруг сразу пришло в движение.

Ухтыблин выскочил на ковер прямо в «берцах» и попытался обхватить за плечи ставшую вдруг такой неуклюжей тушу сержанта. Подоспевший лейтенант помог ему. Вместе они перевернули Бугая на спину. Больше всего их напугало то, что глаза Бугаева были открыты, но его зрачки закатились куда-то под лоб. Побледневшие офицеры переглянулись. Выскочивший из своего кабинета врач (в любом спецназе есть врач при погонах, такова уж специфика этих подразделений) оттолкнул их и схватил сержанта за кисть, чтобы нащупать пульс. Другой рукой военный эскулап быстро и привычно раскрыл чемоданчик с нашитым на боку красным крестом и сунул Бугаю под нос ватку с нашатырем. Веки бойца затрепетали, словно крылья бабочки, сначала медленно, затем быстрее, и зрачки вернулись в нормальное положение.

– Что это? – захрипел сержант. – Где я?

Ухтыблин облегченно вздохнул и мысленно перекрестился.

– Док, что с ним? – на всякий случай спросил он, уже зная ответ.

– Сотрясение мозга, вот что, – проворчал седоватый мужчина в белом халате, брошенном на форму. – Обыкновенный нокаут. Как я не люблю бокс, если бы вы знали! И это называется благородный вид спорта!

– Потом, док, потом... сейчас что делать надо?

– В госпиталь! В стационар! Полный покой! Я сделаю назначения!

Майор отдал необходимые команды, и Бугая увели под руки.

– Тренировка закончена, – объявил Ухтыблин смотревшим на него бойцам. – Все в душ, ну, а далее по распорядку. Что там у вас, обед? Ну вот, идите и обедайте. Одинцов, задержись. Док, вы тоже на пару слов.

Сергей зубами стянул с мокрых рук перчатки и устало присел на край ковра. Наверное, будет выговор. Ну, сначала, как и положено, назначат проверку. Так, формально, ведь свидетелей полно. А потом уже влепят по полной. Боец попал в госпиталь, а это уже называется «чрезвычайное происшествие».

– Ну, что делать будем, лейтенант? – посмотрел на офицера Ухтыблин. – Прохлопал?

– Да я, товарищ майор, и не думал совсем, что вот этот, – растерянно кивнул в сторону Сергея лейтенант, – такой... что он так сможет.

– Петрович, что скажешь? Когда Бугаев сможет выступать? – повернулся майор к врачу.

– Что?! Что вы сказали, Николай Иванович?! – Когда врач отряда злился, то он всех, даже рядовых, называл на «вы». – Ну, знаете ли! Бугаеву следует забыть о спорте на ближайший месяц! Только легкие пешие прогулки! Все, мне пора! – Он свирепо посмотрел на майора и двинулся к дверям, на ходу сдирая со своих покатых полноватых плеч накрахмаленный халат.

– Та-ак, – перевел взгляд на Сергея майор. – А ты что скажешь?

Сергей тяжело поднялся с ковра и молча уставился себе под ноги.

– Тоже стандартный ответ, – ухмыльнулся Ухтыблин. – Тогда слушай мою команду. На соревнования поедешь ты, Одинцов. Давай готовься. Лейтенант!

– Слушаю, товарищ майор!

– Я? – удивился Сергей, но майор не захотел тратить время на объяснения. Одинцов уже не интересовал его, по крайней мере до вечера, когда надо будет объясняться с командиром отряда.

– Запиши Кубинца в команду как рукопашника.

– Кого?!

– Кубинца! Одинцова! Кличка у него такая теперь будет.

– Есть! А...

– Что?

– Так он даже еще на шевроны не сдал зачеты. На наши шевроны, спецназовские. Там же все «краповики» едут. А у Одинцова нашивки на форме общевоинские... Это как тогда понимать?

– А когда у нас зачеты?

– Через две недели, как раз квартал заканчивается.

– Вот на соревнованиях и сдаст! А кого прикажешь выставлять на «рукопашку»? Сам кашу заварил, сам пусть и разбирается. Хорошо выступит, мы перед строем тут же эти шевроны и вручим. Еще вопросы есть?

– Один остался.

– Ну, что еще?

– А при чем тут кубинцы?

– Эх, лейтенант, не видел ты, как кубинцы боксируют. Был у них один такой, Теофило Стивенсон. Слышал о таком? – покосился на Сергея майор.

– Конечно, слышал. Трехкратный олимпийский чемпион, «тяж». Я и бои его видел. По Интернету, правда.

– Эх, молодежь... мне бы ваши годы! В общем, так! Служебную проверку проводить буду я. Рапорта о случившемся ко мне на стол к двум... нет, к трем часам дня, я как раз командиру доложу. Все, Кубинец! Двигай в душ. А потом по распоряжку! Лейтенант, пошли со мной.

Для приехавших на соревнования групп выделили правое пустующее крыло просторной казармы, в которой обычно жили новобранцы, проходящие курс молодого бойца. Сейчас молодые солдаты уже разъехались по своим местам службы, и в свободные кубрики заселили взрослых, уверенных в себе мужчин. Практически все они носили краповые береты.

Старший лейтенант Минохин заступил в наряд, который нес службу по охране имущества участников соревнования и поддержания порядка на территории.

Так как в помещении было уже жарковато, двое дневальных вынесли стол со стулом прямо ко входу в казарму. Старший лейтенант разложил на столике журнал с ручкой, поставил под стол, в тень, бутылку запотевшей минералки, поправил на голове берет, уселся и стал ждать. Дневальный прислонился к стволу дерева. На стул он не сажился, все равно долго не просидишь.

Первые посетители появились уже после обеда. Двое рослых парней в форме, с черными пластиковыми пакетами в руках, громко и весело переговариваясь, вышли из-за поворота асфальтовой дорожки и остановились прямо перед столиком офицера.

– Так, – постучал ручкой по столу Минохин. – Глущенко, вторая рота?

– Так точно!

– И к кому?

– Да там должны ребята из Архангельска подъехать. Он мне звонил вчера вечером. Саня из Архангельска. Мы с ним как-то в переделку попали «за речкой», у нас магазин на двоих остался, так он...

– Подожди. – Офицер полистал журнал. – Сводная группа Северо-Западного округа... есть такие. Третий этаж, второй кубрик. Позови, – кивнул он дневальному.

Дневальный неспешно поднялся на высокое бетонное крыльцо и исчез за дверью.

– А что в пакете? – спросил Минохин.

– Да это... так... мы тут немного пива взяли. Ну, и рыбки, конечно.

Офицер неодобрительно покачал головой.

– Товарищ старший лейтенант! – взмолился парень. – Я его пять лет не видел! Только созванивались. Ну, что же, я к братишке с лимонадом приду?! Ну, вы же все понимаете!

– А ты, Андреев, куда? – перевел взгляд на его спутника офицер. – Ты тоже... этого Саню знаешь?

– Не знаю, товарищ старший лейтенант, – честно признался второй посетитель. – Но наша рота рядом с северянами стояла, есть что вспомнить.

– Ротный в курсе? – задал последний формальный вопрос Минохин.

Глущенко обидчиво развел руками с зажатými в них пакетами. В левом пакете что-то звякнуло.

Офицер поморщился, но ничего не сказал. Эти двое, как, впрочем, и остальные посетители, были взрослыми людьми, контрактниками, давно отслужившими срочную службу и кое-что повидавшими в жизни. Напоминать сейчас об уставе и читать нотации лейтенант не собирался, не для того его сюда поставили. И все-таки праздник в бригаде, так что можно сделать некоторые послабления... прямое распоряжение командира! Минохина, как человека, служившего в бригаде уже четвертый год и знавшего в лицо всех «краповиков», специально назначили в этот наряд, чтобы лично контролировать поток посетителей. А то, что посетители будут, командир бригады не сомневался. В замкнутом кругу спецназа встречи бойцов из различных подразделений происходят достаточно часто. Совместные операции, соревнования, участие в локальных конфликтах – все это сближает людей, вместе переживших не самые лег-

кие моменты в их жизни. Комбриг, сам «краповик», хорошо помнил старый командирский завет – «если ты не можешь предотвратить веселье, то уж лучше возглавить его». Столовая на первом этаже была предоставлена в полное распоряжение гостей ровно до 23.00.

Из-за двери казармы появился дневальный вместе с огромным светловолосым парнем в тельняшке, камуфлированных штанах и тапочках на босу ногу. Парень нетерпеливо озирался по сторонам.

– Саня! – заорал Глущенко и замахал руками. Пакеты зашуршали в опасной близости от макушки старшего лейтенанта. Минохин пригнулся и оглянулся.

– Глухой! Братишка! – завопил парень, скатился с крыльца и заключил спецназовца в объятия.

Ближе к вечеру старший лейтенант допил всю воду и передвинул столик ближе к дереву, чтобы солнце не слепило глаз. Он лениво ждал и прислушивался к гулу голосов, доносившихся из открытых окон столовой:

– Сашку Трофименко помнишь?

– Как не помню...

– Было дело, у него живот забарахлил. Наверное, воды местной напился. Ну, мается парень, поесть нормально не может, все его жалеют, а сделать ничего не могут. И, как назло, таблеток от этой болезни ни у кого нет. Заглянул к нам один парень из инженерно-саперной роты, тогда мы с ними разведку согласовывали, что ли, сейчас уже не помню. Заглянул, посмотрел и говорит Сане: «Ты, парень, кусочек тола съешь, и сразу все в норму придет. Мы сами так лечимся, в полевых условиях средство проверенное». Принес он ему вечером толовую шашку.

– Нет, не слышал об этом. И что?

– Ну, а Саня половину шашки ножом нарезал и съел с минералкой.

– Помогло?

– Еще как! Саня потом неделю от запора мучился.

Взрыв дружного хохота спугнул стайку воробьев, чирикавших на дереве.

– Я слышал, его потом на «вертушке» сбили с ребятами, когда они уже на базу шли.

– Да, было дело.

В столовой наступила тишина.

– Эх, блин, – вздохнул кто-то.

– Ну, значит, дают нам задание, – заговорил после паузы невидимый старшему лейтенанту рассказчик, – «снести» одну «бригаду» при покупке «стволов». «Снести» всех, но при этом красная «девятка» должна уйти. Ну, понятно. Какие-то там очередные игры оперов... Нам-то что... уйти так уйти... «девятка» так «девятка». Залегли мы в лесочке под горой, ждем. Приехали «гости». Мы, как положено, орем – всем лежать, оружие на землю. Ну, постреляли там немного... пара дураков решили в американских ковбоев поиграть, не получилось у них. И видим, красная «девятка» срывается с места и уносится по лесной просеке. Капитан вскакивает и орет, специально для тех, кто мордой в землю лежит: «Огонь по машине! Не давать им уйти! Огонь!»

А сам нам подмигивает, мол, делать так, как и договорились. Мы с автоматов дружно по веткам ка-ак рубанем... Все очень достоверно вышло... капитан кричит, мы стреляем... в общем, красивая легенда у «того парня» должна была получиться. Чудом вырвался из засады, и все такое.

– А! Ну, конечно! А Коля на инструктаже не был, да?

– Ну да! Он садится в позицию, поднимает винтовку и начинает стрелять по машине! «Врешь, – говорит, – не уйдешь, сволочь!» Только на пятом выстреле мы сообразили, куда он стреляет, и то лишь по направлению ствола.

– А этот опер к нам в расположение приехал, через неделю где-то, спину свою показывал. Воот такой синячище под левой лопаткой... не промахнулся тогда наш Колян, четыре пули в

«девятку» положил, хорошо, что на излете. И смех, и грех. Зато «легенда» железная получилась.

– Помню. Он тогда еще барашка у местных купил, извинялся.

– Давай, Витек, за те времена. Мы-то живые остались.

– Давай!

Ближе к восьми часам на асфальтовой дорожке появилась еще одна фигура, и тоже с ручной кладью в руках. Минохин присмотрелся и удивленно покачал головой. К столику подошел заведующий вещевым складом прапорщик Тюленев. Мужик он был уже в годах, под пенсию, и честно дослуживал свой срок. В общем-то, прапорщик был «хозошником» невредным, всегда старался подобрать вещи и амуницию ребятам по размеру и никогда не выбрасывал на прилавок все подряд: «Бери, бери, ничего страшного, если не по размеру, потом с кем-нибудь поменяешься. Давай не задерживай остальных, мне еще третью роту одевать надо!»

Палыча в бригаде уважали, но на торжества за стол старались не приглашать. Нет, никаких дурных наклонностей за ним не водилось, он не расклеивался от выпитого спиртного, не проявлял буйства характера, всегда понимал, где он находится и с кем пьет, но была одна деталь, которая портила весь вечер.

Представьте себе человека, который, например, на новогоднем празднике, когда все вокруг веселятся и улыбаются, желают друг другу самого хорошего в новом году, в самый разгар веселья негромко разговаривает со стаканом водки, стоящим напротив него на столе и накрытым куском хлеба. Палыч обращался к стакану по имени, называл его Виталиком, все время чокался с ним и наотрез отказывался объяснять свою традиционную застольную привычку.

После двух таких случаев командир роты, который был младше Палыча чуть ли не на пятнадцать лет, очень деликатно попросил ветерана пройти обычные психологические тесты, которым подвергаются все бойцы спецподразделения в обязательном порядке каждые полгода. Психолог, промучив Тюленева целый день, только лишь развела руками в ответ на вопросительный взгляд командира.

«Годен, – сказала она. – В целом и в общем вполне годен. К выдаче штанов и курток я его допускаю. А если копать глубже, то боюсь, что и у вас найдутся какие-то отклонения. Идеально здоровых людей нет, а то, что вы увидели у вашего Палыча, называется профессиональной деформацией. – И добавила совсем уже по-женски: – Все вы здесь чокнутые, только маскируетесь умело. За умение маскироваться можете поставить своим бойцам оценку «отлично».

Тюленев подошел к столику дежурного офицера, и Минохин поднялся, проявляя уважение.

– Здравствуй, Андрей, – негромко проговорил прапорщик. – Ты запиши меня в журнальчик. Я к ребятам с Южного федерального поднимусь, там товарищ мой подъехал, хотел бы увидеться.

– Проходи, Палыч, – ответил старший лейтенант. – Проходи без всяких записей. Порядок ты и так знаешь.

В большой пузатый портфель, который нес с собой начальник вещевого службы, офицер даже не заглянул.

Двое мужчин не стали бурно выражать свои чувства. Они молча обнялись, крепко похлопали друг друга по плечам и отодвинулись, рассматривая друг друга.

– Давно такую прическу носишь, Коля?

– Да как полысел, – усмехнулся майор, потирая голову ладонью. – А у тебя, я вижу, краска черная для волос закончилась, а, Тюлень?

– Закончилась, – вздохнул прапорщик. – Такой больше не делают.

– Ну, присаживайся. Я только дверь закрою. Мои ребята знают, что я не святой, еще никто из них не видел, как я пью водку.

Прапорщик поставил портфель на стол и принялся вытаскивать из него бумажные хрустящие замасленные свертки. В кабинете сразу же вкусно запахло.

– Да ты не очень-то, Саня! Завтра совещание у комбрига.

– Ничего, он у нас мужик понятливый, – уверенно проговорил Тюлень, доставая красивую пузатую бутылку с цветастой наклейкой. – Праздник все-таки! Элита спецназа приехала. Когда еще увидимся?

– А, наливай тогда! – махнул рукой майор. – Действительно, когда еще?

– Ну, что? Давай за нас, давай за вас, и за десант, и за спецназ! – произнес Тюлень, поднимая алюминиевую кружку, которую он предусмотрительно прихватил с собой. Рюмок он не признавал в принципе.

– Давай за спецназ, – кивнул майор, поднимая свою кружку.

Ухтыблин слегка задержал содержимое кружки во рту, стараясь определить качество выпивки, а затем одним глотком проглотил дорогое заграничное спиртное.

– Самогоном пахнет или мне показалось?

– Есть немного, – усмехнулся прапорщик. – Виски всегда самогоном пахнет.

– Никогда бы в жизни не подумал, – повертел бутылку в руках майор. – Я всегда считал, что у виски должен быть какой-то очень особенный, неповторимый, какой-то американский, что ли, привкус.

– Паршивый у него привкус, – ответил ему старый друг, – одно в нем хорошо – он слабее водки, поэтому его и взял, у всех завтра дела.

– Да, придется побегать... официально зарегистрироваться, пойти полюсу посмотреть, с правилами еще раз ознакомиться. Ты же знаешь, организаторы всегда что-то новенькое придумают.

– Знаю. Ну, рассказывай, кого видел, что слышал? Как там наши ребята?

– Да что я... я в провинции живу, это ты тут практически в столице устроился. Наливай еще, что ли?

– Давай по второй... за родителей.

– Это святое. Давай. Твои-то как? Отец жив, держится?

– Нормально все. О Ваське Демчишине слышал?

– Демчишин, Демчишин... это светленький такой был, нос в веснушках?

– Васька Непоседа.

– Тьфу, ты! Так бы сразу и сказал! Погоди, а что с ним?!

– Да все хорошо, в люди выбился. Сейчас в Москве живет, своя фирма у него, с итальянцами работает. Стройкой занимается.

– Ааа... Ты так больше не пугай меня, Тюлень! Я уж думал, с ним что-то случилось!

– На День спецназа всех приглашает, весь второй взвод. Ну, кого найдет, конечно. И всем проезд и проживание оплачивает. Мне вот уже сказал.

– А мне еще нет.

– Ну, позвонит, значит! Как же мы без командира-то будем отмечать?!

Ухтыблин неопределенно пожал плечами. Он, конечно, же, помнил Ваську Непоседу. Любил пошутить, поболтать, к службе с легкостью относился, если не сказать большего. Но парень был нетрусливый. Хотя одной обыкновенной храбрости для службы в спецназе мало. Необходимо ослиное терпение и умение ждать. Ждать часами, а то и сутками, словно влюбленный под окном капризной красавицы. Ждать, не нервничая, сохраняя в себе постоянную готовность к мгновенной концентрации, чтобы расчетливо рискнуть своей жизнью. А может, и не расчетливо... Не у всякого это получается. Васька и получил прозвище Непоседа, потому что ждать не умел. Эх, Васька, Васька... сколько раз его Ухтыблин и просил, и наказывал,

пока не убедился, что ничего на него не действует, характер у него такой. А после второго контракта он сам лично попросил бойца больше не идти к нему во взвод. Если, конечно, тот дальше захочет служить. Но Васька тогда обиделся, не захотел и уволился. Много лет ничего не слышал о нем майор, а теперь вдруг объявился... И это еще не факт, что он бывшего своего командира взвода рад будет видеть. Он торжество организует, будет людей со всей России приглашать за свои кровные... так что может и не позвонить. Ну и ладно. Переживем.

– А о Кузьмине слышал? – спросил прапорщик.

– Слышал, конечно. Говорят, тоже в Москву перебрался, в штабы?

– Ну да... адъютант его превосходительства, блин! Сейчас он адъютантом у кого-то, у кого именно, не знаю. Уже полковник!

– Вот люди как растут. Значит, не зря я вас учил, – хмыкнул майор.

– А! – махнул рукой Тюлень. – Знаешь, как он изменился? Как-то виделись с ним, приезжала московская проверка в часть... Я, как Кузьму увидел, так обрадовался. Все-таки четыре года вместе отбарабанили, да и куда только нас судьба не забрасывала... впрочем, кому это я рассказываю... Значит, подскакиваю я к генерал-полковнику, он там вроде самый старший по званию был, руку под козырек, так, мол, и так, я – прапорщик Пупкин, разрешите обратиться к товарищу полковнику?

– Ну, и?

– Разрешил, хотя было видно, что занят. Там с ним еще человек десять генералов всяких, я столько золотых погон вместе еще не видел. Ну, я к Кузьме поворачиваюсь, улыбка, как у идиота, во весь рот. «Кузьма, – кричу, – что же ты столько лет молчал, ведь, оказывается, рядом совсем служим, позвонить не мог, что ли?!»

Майор уже понял, о чем будет идти дальше речь. Он вздохнул, отломил пальцами очень вкусный хлеб с вкрапленными в него изюминками и принялся меланхолично жевать.

– А он мне говорит: «Товарищ прапорщик, я сейчас занят, найдите меня попозже, ориентируясь к семнадцати ноль-ноль». И смотрит так холодно и неприязненно, словно я у него займы тысячу попросил. У меня ноги и подкосились. «Есть, – говорю, – разрешите идти?»

– И ты пошел?

– И я пошел, Коля... пошел, как крейсер от причала.

– Ну, понимаешь, Саш, – закричал майор, – это такое дело...

– Коля! Не надо меня учить воинскому уставу! Я сам кого хочешь научу! Да гадом он стал! Подумаешь, какой-то прапорщик к нему подошел! Не генерал, небось?! А то, как я с ним одной галетой делился, он уже забыл! Ты помнишь, Ухтыблин, как ты нас... – Прапорщик вдруг запнулся и испуганно замолчал.

– Да знаю я, Саш, свою кличку, знаю. Это когда я вас на высоте двоих оставил и сказал, что вернусь через час, а сам вернулся через двое суток? Извини, там погода помешала. Не смог вертолет взлететь. Теперь уже пацаны меня так называют... вот, даже младший брат Резкого иногда.

Прапорщик внимательно посмотрел на своего бывшего командира, затем молча разлил виски по кружкам. Потом стукнул своей кружкой по кружке майора, выпил, взял кусок мяса, сосредоточенно пожевал и преувеличенно спокойным голосом спросил:

– Как ты сказал? Чей брат?

– Брат Одинцова Виталика, которого мы с тобой оставили на перевале. Вместе с Тайсоном.

Прапорщик покрутил шеей, словно ему жал горло несуществующий галстук, и прокашлялся. Он хотел что-то сказать, поднял голову, но потом передумал.

– Хорошо, что молчишь, – кивнул Ухтыблин. – Я тоже постороннему человеку могу сто раз доказать, что это было необходимо. Но только постороннему, своему-то что доказывать.

Тюлень помолчал, скрипнул зубами и глухо проговорил:

– Давай третий тост, Коля. Давай за всех... за всех парней в погонах, которые погибли при исполнении. Давай за всех мужчин с оружием в руках. За тех, которых не дождались, за тех, о которых думают, что их уже нет. Ни хрена! Пока мы живы, они живут внутри нас! Выпьем, братишка!

– Выпьем, брат! Я чувствую свою вину перед Одинцовым, – тихо произнес майор. – Знаю, что не виноват, но все-таки.

– Мне нечего тебе сказать, Коля. Нечего. И утешать тебя, говорить, что это все ерунда, я не буду. Я и сам... – Прапорщик не договорил и несильно стукнул кулаком по столу.

– Ну и правильно, – кивнул майор. Он вздохнул и помотал бритой головой: – Ух ты, блин, тяжело все-таки иногда приходится... Давай четвертый тост. Чтобы по нам промахнулись! Ну, будь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.